

Обратная Сторона

Конюшенко Егор

18+

Егор Конюшенко

Обратная Сторона

<https://litres.ru/74313003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный вечер, сигарета на скамейке у общаги — и вдруг фонари заливаются мертвенно-зелёным светом, звуки города исчезают, а дверь подъезда перестаёт открываться. Вместо привычного двора — искажённое пространство, где стены пульсируют, воздух становится плотным, а из темноты доносятся звуки, которых не должно быть. Что, если это не галлюцинация и не сон, а та самая обратная сторона реальности, которая всегда была рядом, — просто мы не умели её видеть?

Егор Конюшенко

Обратная Сторона

Смена закончилась в семь, но, как всегда, пришлось задержаться. Никто не просил, просто если уйти ровно по часам, Костик из бухгалтерии начнёт подкалывать, мол, на свидание спешишь. А спешить мне некуда. Я сложил бумаги в ящик, выключил лампу и кивнул охраннику на проходной. Он даже не поднял головы — смотрел в телефон, и оттуда доносился чей-то бубнёж про ставки и коэффициенты. На улице пахло пылью и разогретым за день асфальтом, ветер гонял тополинный пух, забиваясь в нос и глаза. Я пошёл пешком, хотя можно было на маршрутке, но хотелось проветрить голову. В офисе целый день работал кондиционер, и мозги, казалось, превратились в студень.

Общага встретила привычным запахом подгоревшего масла и сырости из подвала. На втором этаже кто-то опять включил музыку так, что вибрировали перила. Я поднялся на четвёртый, открыл дверь и бросил ключи на тумбочку. В комнате было душно, несмотря на открытое окно. Занавеска висела неподвижно. Я стянул рубашку, плеснул в лицо водой из-под крана и посмотрел на себя в зеркало. Глаза красные, под ними тени. Обычное дело. Холодильник гудел так, будто вот-вот взлетит. Внутри нашёлся кусок засохшего сыра и пара яиц, но готовить не хотелось. Я налил чай, сел на кро-

вать и устался в стену. Мысли крутились вокруг одного и того же — опостылевшая работа, кредит, который висит как камень на шее, и это вечное чувство, будто живёшь чужую жизнь. Хотелось курить.

Я накинул ветровку, прихватил пачку с подоконника и вышел в коридор. Лампы там гудели в унисон с холодильником, половицы скрипели даже под кедами. Кто-то оставил у мусоропровода пакет, и оттуда тянуло кислым. Во дворе уже стемнело, но фонари горели ярко, заливая пятачок асфальта густым жёлтым светом. Я присел на скамейку у стены, чиркнул зажигалкой и затянулся. Дым уходил вверх, растворяясь в кронах старых тополей. В соседнем корпусе в нескольких окнах горел свет, кто-то смотрел телевизор — мерцали синие отсветы. Обычный вечер. Ничего особенного.

Я докурил первую, сразу прикурил вторую. В голове стало немного легче. Во дворе стояла тишина, только где-то далеко, у дороги, шумели редкие машины. Я сидел и смотрел на торец здания напротив, где облупилась краска и виднелись кирпичи. Мысли текли вяло, ни о чём конкретном. Думал, что завтра среда, а значит, опять планёрка. Думал, что надо бы позвонить матери. Думал, что сигареты заканчиваются.

Я как раз прикидывал, хватит ли денег до зарплаты, когда заметил, что звук машин стих. Не постепенно, а как-то сразу, будто кто-то повернул ручку громкости до нуля. Я поднял голову. Тополя стояли не шелохнувшись, хотя ещё несколько минут назад ветер гонял пух. Воздух стал плотным, хо-

лодным и каким-то... неподвижным. Я выдохнул дым, но он не рассеялся, а повис серым облаком прямо перед лицом. Мне стало неуютно. Захотелось встать и уйти, но ноги словно прилипли к земле. Я заставил себя оглядеться.

Фонари горели всё так же ярко, но их свет теперь отдавал зеленоватым оттенком, как старые лампы в больничных коридорах. Окна дома напротив всё ещё светились, но люди за ними больше не двигались. Все застыли. Вон та тень в жёлтой кухне так и стояла с поднятой рукой, будто кто-то поставил фильм на паузу. Я перевёл взгляд на свою общагу. Стены показались мне чужими. Та же облупившаяся краска, те же граффити у входа, но что-то изменилось. Я не сразу понял что. А когда понял, по спине пробежал холод. Все окна моего этажа были тёмными, кроме одного — самого дальнего, которое никогда не открывалось. Там горел свет. Мертвенный, неподвижный, и за стеклом кто-то стоял. Я не мог разглядеть лица, только силуэт, но точно знал, что моя комната пуста. Я вышел минуту назад.

Я резко встал, сигарета выпала из пальцев и покатилась по асфальту, рассыпая искры. Тишина стояла такая, что я слышал, как кровь стучит в висках. Свет фонарей стал ярче, зеленее, и в нём начали проступать детали, которых раньше не было. Асфальт под ногами казался не серым, а каким-то сизым, влажным, хотя дождя не было. Скамейка, на которой я сидел, оказалась холодной и липкой на ощупь. Я отдернул руку, посмотрел на ладонь — на ней остался тём-

ный след, похожий на сажу. Захотелось закричать, позвать кого-нибудь, но во дворе не было ни души. Только я, лампы и эти окна.

Я попятился к подъезду, не отрывая взгляда от светящегося окна на моём этаже. Силуэт за стеклом не двигался. Мне показалось, что он стоит как-то неправильно — плечи слишком низко, голова повернута под неестественным углом. Я моргнул, надеясь, что наваждение исчезнет, но оно осталось. Воздух стал гуще, холоднее, и в нём появился запах. Запах сырой земли и ещё чего-то, похожего на мокрую шерсть. Я вдохнул и почувствовал, как лёгкие наполняются чем-то тяжёлым. Нужно было уходить. Я схватился за ручку двери, дернул на себя, но вместо привычного скрипа петель услышал лишь глухой стук, будто по дереву, обтянутому кожей. Дверь не поддавалась.

Я обернулся в последний раз и увидел, что в дальнем конце двора, где должен быть выход к дороге, теперь нет ничего. Просто темнота. Не ночная темнота, а сплошная, плотная, как стена. Фонари вдоль дорожки гасли один за другим, начиная с самого дальнего, и эта тьма приближалась. Я стоял, вцепившись в дверную ручку, и не мог оторвать взгляда от того, как гаснет свет.

Дверь не открывалась. Я дёргал ручку снова и снова, чувствуя, как ладонь скользит по холодному металлу, а пальцы начинают сводить от напряжения. Тьма позади приближалась, и вместе с ней накатывал запах — уже не просто сырая

земля, а что-то глубже, тяжелее, словно вскрыли старый погреб, который не проветривали годами. Я ударил плечом в дверь раз, другой, и вдруг она подалась так легко, будто ждала, когда я приложу чуть больше усилий. Я ввалился внутрь, споткнувшись о порог, и тут же обернулся, чтобы захлопнуть её за собой.

Снаружи осталась темнота. Не двор, не скамейка, не фонари — просто чернота, плотная, как дёготь, прилипшая к дверному проёму. Я захлопнул дверь и прижался к ней спиной, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле. В подъезде горел свет, но совсем не такой, как обычно. Лампы под потолком светили тускло, с зеленоватым отливом, как экран старого монитора. Воздух внутри был спёртый, неподвижный, и от этого казалось, что я попал в герметично закрытую банку.

Я оторвал спину от двери и огляделся. Холл выглядел почти так же, как всегда: стены, выкрашенные в бледно-голубой, доска объявлений с обрывками старых бумажек, батарея отопления, вечно забитая пылью. Почти. Я не сразу понял, что не так, но мозг уже начал подавать сигналы тревоги. Слишком тихо. Слишком чисто. На полу не было привычных разводов грязи и окурков, которые вечно роняли соседи. Пахло не подгоревшим маслом, а чем-то сладковатым, приторным, как старое лекарство.

Я сделал шаг вперёд, и подошва кед прилипла к полу с чавкающим звуком. Опустил глаза. Линолеум блестел, будто

его только что помыли, но под ногами ощущалась не твёрдая поверхность, а что-то пружинистое, податливое. Я присел на корточки и дотронулся до пола кончиками пальцев. Он был тёплым и слегка влажным, как кожа. Меня передёрнуло, я отдёрнул руку и вытер пальцы о джинсы, но ощущение липкости осталось.

Я выпрямился и снова посмотрел по сторонам. Взгляд упал на почтовые ящики. Они висели на стене вверх дном. Не в переносном смысле — они действительно были перевернуты: замочные скважины смотрели в пол, а номера квартир были написаны задом наперёд, кривыми буквами, которые кто-то вывел дрожащей рукой. Я подошёл ближе и провёл ладонью по металлической дверце ближайшего ящика. Она была ледяной, хотя вокруг стояла духота. Изнутри доносился слабый звук — шорох, царапанье, словно там что-то жило.

Я отступил и направился к лестнице, надеясь подняться в свою комнату. Может, там всё в порядке. Может, я просто переутомился, и это дурацкий сон. Но лестница встретила меня новой порцией неправильности. Ступени вели не вверх, а куда-то вбок, под углом, который не должен был существовать. Они изгибались влево, уходя в полумрак, и перила тянулись за ними, скручиваясь спиралью, как корни старого дерева. Я посмотрел вверх, туда, где раньше были лестничные пролёты, но вместо них увидел лишь серый туман, клубящийся под потолком. Из тумана свисали тонкие

нити, похожие на паутину, и они медленно покачивались, хотя сквозняка не было.

Мне стало по-настоящему страшно. Не тот страх, когда смотришь ужастик на ночь, а животный, липкий, от которого холодеют пальцы и пересыхает во рту. Я облизал губы и почувствовал металлический привкус. Захотелось закурить, но пачка осталась во дворе, на скамейке. Я сунул руку в карман ветровки, нащупал только смятую обёртку от жвачки и какие-то крошки. Чёрт.

Я постоял с минуту, раздумывая, что делать. Можно было попробовать выйти обратно во двор, но я помнил, что ждало за дверью. Можно было подняться по этой изогнутой лестнице и попытаться найти свою комнату. А можно было просто остаться на месте и ждать, пока всё само разрешится. Но ждать я не умел. Я глубоко вдохнул — сладковатый запах обжёг ноздри — и поставил ногу на первую ступень. Та прогнулась под моим весом с тихим скрипом, и где-то наверху, в сером тумане, что-то зашевелилось. Я замер. Звук был похож на шаги, только неправильные: не чередование «топ-топ», а хаотичное «шлёп-шлёп-шлёп», будто кто-то шёл на четырёх конечностях или вообще полз. Звук приближался.

Я медленно убрал ногу со ступени и попятился обратно к двери, не отрывая взгляда от тумана. Из него показалось что-то бледное, вытянутое. Я не стал дожидаться, пока оно покажется целиком. Рванул обратно к входной двери, схватился за ручку и дёрнул. Дверь снова не открылась. Я нава-

лился всем телом, ударил плечом — бесполезно. Ручка проворачивалась, но замок не щёлкал. Дверь словно вросла в проём, стала частью стены. Я обернулся и увидел, что из тумана на лестнице вытянулось нечто, отдалённо напоминающее руку. Только пальцев на ней было слишком много, и все они двигались независимо друг от друга, ощупывая воздух вокруг себя.

Я рванул в сторону коридора, ведущего к комнатам первого этажа. Там хоть какое-то укрытие, хоть какая-то надежда наткнуться на нормального человека. Но коридор встретил меня тем же зеленоватым светом и той же неестественной тишиной. Двери комнат были приоткрыты, из щелей тянуло холодом. На одной из них табличка с номером висела вверх ногами, как и почтовые ящики. Я толкнул ближайшую дверь, заглянул внутрь и тут же пожалел. Комната была пустой, но стены в ней двигались. Медленно, волнообразно, как грудная клетка спящего животного. Я захлопнул дверь и услышал сдавленный стон, донёсшийся изнутри.

Я стоял в коридоре, прижавшись спиной к холодной, но хотя бы неподвижной стене, и пытался дышать ровно. Вдох. Выдох. Вдох. Сердце колотилось так, что отдавало в виски. Зеленоватый свет мигнул, и на секунду я увидел, что на стенах проступили тонкие тёмные прожилки, похожие на вены. Они пульсировали в такт моему сердцебиению. Я закрыл глаза, досчитал до десяти и снова открыл. Прожилки исчезли. Может, показалось.

Где-то в конце коридора раздался звук. Шаги. Но не те, что на лестнице. Эти были мягче, тише, но от этого не менее жуткие. Кто-то шёл ко мне из темноты, и с каждым шагом пол под моими ногами вздрагивал. Я вжался в стену и затаил дыхание, молясь, чтобы этот кто-то прошёл мимо.

Я стоял, вжавшись в стену, и слушал, как звук приближается. Мягкие шаги — или не шаги, а шлепки — раздавались всё ближе, и с каждым из них пол под ногами едва заметно вздрагивал. В зеленоватом свете тусклых ламп коридор казался бесконечным, уходящим в густую тень, и оттуда, из этой тени, двигалось что-то живое. Я затаил дыхание, прижал ладони к холодной стене и молился, чтобы существо прошло мимо. Мышцы свело от напряжения, в висках стучало так громко, что, казалось, этот стук разносится по всему этажу.

Сначала я увидел только очертания. Высокая, сутулая фигура, ростом почти под потолок, но двигалась она странно — рывками, словно кукла на шарнирах, которую дёргает неумелый кукловод. Когда она вошла в пятно света от ближайшей лампы, я рассмотрел её целиком и едва не закричал. Одежда на ней была грязная, рваная, похожая на больничный халат, но надетый задом наперёд, так что завязки болтались где-то у лодыжек. Кожа существа была серой, влажной, поблёскивала в тусклом свете, как рыба чешуя. Но хуже всего были конечности. Они были вывернуты в суставах в обратную сторону: локти торчали наружу, а плечи, наоборот, смотрели

внутри, прижимая руки к туловищу под неестественным углом. Ноги заканчивались не ступнями, а грубыми, растопыренными ладонями с длинными, узловатыми пальцами, которые постоянно шевелились, ощупывая пол.

Существо двигалось по потолку. Его ладони-ноги прилипали к штукатурке с тихим чавканьем, оставляя влажные следы, а голова, наклонённая набок, свисала вниз и слегка покачивалась в такт движениям. Я видел его лицо. У него не было глаз — только две тёмные впадины, из которых сочилась какая-то чёрная жижа, стекая по щекам и капая на пол. Рот был широкий, без губ, и всё время слегка приоткрыт, будто существо пыталось что-то сказать, но не могло издать ни звука. От него пахло мокрой шерстью и ещё чем-то кислым, как от старой тряпки, забытой в сыром подвале.

Я не мог пошевелиться. Ноги приросли к полу, руки вцепились в стену так, что побелели костяшки. Существо проползло по потолку прямо надо мной, и в этот момент его голова дёрнулась, повернулась в мою сторону. Я зажмурился, ожидая, что сейчас эти длинные пальцы вцепятся мне в волосы, а рот распахнётся ещё шире. Но ничего не произошло. Прошло несколько бесконечно долгих секунд. Я рискнул приоткрыть один глаз и увидел, что существо просто движется дальше. Его впадины-глаза были направлены сквозь меня, словно я был пустым местом. Оно переставляло свои ладони-ноги одну за другой, шлёпая по потолку, и удалялось в сторону лестницы, откуда я пришёл.

Я выдохнул сдавленно, чувствуя, как дрожат колени. Существо тем временем добралось до дверного проёма, который вёл в холл, и втиснулось туда, неестественно изогнув тело под острым углом. Я слышал, как его конечности скребут по косяку, как шуршит грязная одежда. А потом наступила тишина. Такая глубокая, что я снова услышал стук собственного сердца.

Я оторвал спину от стены и медленно сполз вниз, сел на корточки, обхватив голову руками. Пальцы дрожали так, что я не мог сжать их в кулак. Всё, что я только что видел, не укладывалось в голове. Это была не галлюцинация. Запах до сих пор стоял в воздухе, а на потолке, прямо над тем местом, где проползло существо, темнели влажные разводы. Я провёл по ним взглядом и заметил, что разводы складываются в подобие дорожки, ведущей обратно к лестнице, но разглядывать их дальше не было сил.

Я заставил себя подняться. Ноги слушались плохо, пришлось опереться о стену. Мысли путались. Нужно было что-то делать: искать выход, подниматься в свою комнату, звать на помощь. Но внутренний голос шептал: не высовывайся, сиди тихо. Я попытался взять себя в руки. Где-то в этом здании должен быть кто-то нормальный. Соседи, вахтёрша, кто угодно. Не может же вся общага превратиться в это. Я сделал шаг в сторону лестницы, но тут же остановился. В коридоре наступила мёртвая тишина, но я кожей чувствовал, что я здесь не один. Тишина была слишком густой, слишком

вязкой, чтобы быть пустой. За одной из дверей что-то тихо заскулило, почти по-детски. Я замер, прислушиваясь.

Скулёж повторился, и вместе с ним раздался звук царапанья по дереву. Кто-то — или что-то — скреблось изнутри в одну из комнат. Я перевёл взгляд на ту дверь. Табличка с номером на ней висела ровно, и это почему-то испугало меня больше, чем перевёрнутые. ровная табличка в этом мире выглядела неправильной. Царапанье усилилось, дверь задрожала, а потом всё стихло. Я попятился в противоположную сторону, к запасной лестнице в конце коридора, которую раньше почти не замечал. Под ногами хлюпал линолеум, и каждый шаг отдавался чавканьем. Я старался ступать как можно тише, но тишина всё равно казалась оглушительной.

Когда я поравнялся с дверью, из которой доносился скулёж, она медленно приоткрылась сама собой, издав протяжный скрип. В щели было темно, но я успел заметить, как из этой темноты на меня уставилось несколько пар блестящих, совершенно белых глаз. Они не двигались, не мигали. Просто смотрели, и в их взгляде не было ни злобы, ни любопытства — только безразличие, от которого кровь стыла в жилах. Я отшатнулся, дверь снова закрылась, и я, уже не таясь, побежал к запасной лестнице, на ходу пытаюсь придумать, куда бежать и есть ли отсюда выход. Лестница была старой, бетонной, без лифта, и вела она вниз, в подвал, но я этого тогда ещё не знал. Я просто бежал, потому что стоять на месте было страшнее.

Я бежал, не разбирая дороги, перескакивая через ступеньки. За спиной хлопнула дверь, и этот звук подстегнул меня сильнее крика. Бетонные стены лестничной клетки были покрыты трещинами, из которых сочилась тёмная жижа, похожая на смолу. Лампочки здесь не горели вообще, только откуда-то снизу поднималось слабое красноватое свечение, пульсирующее, как уголёк в костре. Я притормозил на площадке между этажами, чтобы отдышаться, и тут до меня дошло, что я бегу не вверх, а вниз. Подвал. Чёртов подвал, о котором ходило столько дурацких легенд среди первокурсников, и куда я поклялся не соваться, даже когда искал кладовку с лыжами на зимнюю сессию.

Но поворачивать обратно было нельзя. Там, наверху, остались двери с белыми глазами и существо на потолке. Я не знал, что хуже — то, что я уже видел, или то, что ждёт внизу, — но ноги сами несли меня дальше, прочь от этих звуков. Красноватый свет становился ярче с каждым шагом. Воздух теплел, напиваясь запахом влажного бетона и ещё чем-то сладковатым, напоминающим гнилые фрукты. Ступени под ногами стали скользкими, покрытыми чем-то вроде мха. Я коснулся перил и тут же отдёргнул руку — они были горячими на ощупь, как батарея зимой.

Лестница закончилась тяжелой железной дверью с облупившейся краской. Она была приоткрыта, и из щели выбивался тот самый красный свет, неровный, дрожащий, будто за ней горел не один источник, а множество мелких огней.

Я задержался на секунду, прислушался. Из подвала доносились звуки. Много звуков. Шаги, шорохи, скрипы, какой-то неясный шелест, в котором угадывались обрывки голосов, но слов разобрать я не мог. Толкнул дверь и вошёл.

Подвал оказался огромным, гораздо больше, чем я помнил по рассказам. Низкий потолок, подпираемый бетонными колоннами, уходил в бесконечность, теряясь в красноватой дымке. Везде громоздились горы хлама: сломанная мебель, старые матрасы, коробки с непонятным тряпьем, велосипедные рамы, погнутые трубы. Но всё это было сложено не хаотично, а какими-то осмысленными конструкциями — пирамиды из стульев, баррикады из шкафов, туннели из картонных коробок, уходящие в темноту. Словно кто-то строил здесь свой город из мусора.

А потом я увидел их. Десятки фигур, таких же, как та, что ползла по потолку в коридоре. Они были повсюду: сидели на корточках у стен, бродили между кучами хлама, свисали с труб под потолком, цепляясь своими ладонями-ступнями за ржавый металл. У всех были вывернутые в суставах конечности, серая влажная кожа и отсутствие глаз — только тёмные впадины, из которых сочилась чёрная жидкость. Одежда на них висела лохмотьями, грязная, истлевшая, неопределённого цвета. И все они двигались. Бесцельно, монотонно, как муравьи в разорённом муравейнике.

Я застыл у входа, боясь пошевелиться. Сердце колотилось где-то у горла, в висках стучало, ладони взмокнули. Но су-

щества не обращали на меня внимания. Они занимались какими-то своими делами, смысл которых от меня ускользал. Один сидел на перевёрнутом ведре и перебирал грудку пуговиц, нанизывая их на тонкую проволоку. Другой, прицепившись ногами-ладонями к трубе, раскачивался вперёд-назад, как маятник, и тихо поскрипывал. Третий полз по горе матрасов, волоча за собой сломанный торшер, который цеплялся абажуром за обломки досок. Четвёртый стоял на месте и ритмично бился головой о бетонную колонну, оставляя на ней влажные тёмные следы.

Я медленно двинулся вдоль стены, стараясь держаться как можно дальше от существ. Пол под ногами был устлан каким-то тряпьем, которое глушило шаги, и я был благодарен этому обстоятельству. Вблизи я разглядел их лучше. У того, что сидел с пуговицами, на спине болтался обрывок чего-то, похожего на старый плащ, и из дыры в ткани торчали острые позвонки, обтянутые серой кожей. У того, что раскачивался на трубе, одна ладонь-нога была разорвана, и из раны свисали тонкие нити, которые существо иногда подносило ко рту и жевало. От них пахло сырой землёй, гнилью, плесенью — запах был таким густым, что, казалось, оседал на языке и въедался в одежду.

Я пробирался вдоль стены, пока не споткнулся о какую-то железяку. Звук получился громким — металл ударился о металл, и звон разнёсся по подвалу, отражаясь от колонн и труб. Я замер. Сердце пропустило удар, а потом забилось с

утроенной силой. Прошла секунда. Другая. А потом все звуки в подвале стихли. Все разом. Не стало скрипов, шорохов, шелеста и стука. Только тишина, в которой было слышно, как где-то капает вода. Я медленно повернул голову.

Они все смотрели на меня. Десятки, может быть, сотни голов повернулись в мою сторону одновременно, хотя движения этого я не уловил. Просто в один момент их лица были направлены в разные стороны, а в следующий — все до единого уставились прямо на меня. Пустые глазницы, чёрные, сочащиеся влагой провалы, в которых не было ни зрачков, ни радужек, ни белков. Но я знал, что они меня видят. Я чувствовал их внимание кожей — липкое, тяжёлое, проникающее под одежду. Существа не двигались, не издавали ни звука. Просто стояли, сидели, висели и смотрели. Тот, что нанизывал пуговицы, замер с проволокой в пальцах. Тот, что раскачивался, остановился прямо в воздухе, замерев в неестественной позе. Тот, что бился головой, повернулся ко мне, и я увидел на его лбу глубокую вмятину, из которой медленно вытекала чёрная жижа.

Тишина длилась целую вечность. Я не мог заставить себя сделать ни шагу, ни вдохнуть, ни даже моргнуть. А потом одно из существ — то, что сидело ближе всех к выходу, — медленно подняло свою ладонь-ногу и сделало шаг в мою сторону.

Существо сделало шаг. Всего один — но этого хватило, чтобы оцепенение, державшее меня на месте, лопнуло. Я

рванул в сторону, сам не зная куда, просто подальше от этой твари с пустыми глазницами. Ноги вязли в тряпье, устилавшем пол, кроссовки скользили по влажному бетону. За спиной раздался звук — не тот, что я слышал раньше, не шлепки ладоней-ног. Это был скрежет, низкий, вибрирующий, похожий на скрежет металла по камню, и он доносился сразу ото всюду. Все существа в подвале пришли в движение.

Я нырнул в проход между баррикадами из старых шкафов, надеясь затеряться в лабиринте хлама. Картонные коробки, гнилые матрасы, ржавые трубы мелькали по сторонам. Я бежал, пригибаясь под низкими балками, перепрыгивая через груды битого кирпича. Красноватый свет мигал, пульсировал, и тени от колонн метались по стенам, как живые. Один раз я обернулся на бегу — и пожалел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.